

Удастся ли спасти Сяо Кэсуна — вопрос оставался открытым.

Оставшись наедине с Лу Чжонянем в комнате отдыха, Чэнь Цзэмянь всерьез засомневался, что доживет до вечера.

Хозяин положения явно пребывал не в духе: с тех самых пор, как ушли Е Чэнь и остальные, он хранил ледяное молчание.

Чэнь Цзэмянь вдруг отчетливо осознал: их прежнее мирное сосуществование держалось исключительно на милости этого человека. Стоило Лу Чжоняню нацепить привычную маску высокомерного безразличия, как давление в помещении мгновенно падало. В такой атмосфере не то что разговаривать — дышать становилось тяжело.

Словами это невидимое давление было не описать. Пожалуй, так и должна ощущаться пресловутая аура главного героя — подавляющая и властная.

"Кто опять умудрился разозлить этого столичного принца?"

"Только что ведь нормально общались, с чего вдруг у него опять недовольная мина?"

"Воистину, пути господни неисповедимы. А капризы сильных мира сего — тем более."

Чэнь Цзэмянь честно пытался придумать, как разрядить обстановку, но понятия не имел, с чего начать и расположен ли собеседник к пустой болтовне. В итоге он просто придвинул к себе вазочку со снеками и принялся задумчиво перебирать тыквенные семечки.

Если подумать, едва они оказывались наедине, Лу Чжонянь неизменно выказывал то или иное недовольство. Огрызайся ты, лебези — исход один.

Учитывая этот печальный опыт, Чэнь Цзэмянь пришел к простому выводу: дело не в плохом настроении Лу Чжоняня. Тот просто его не переваривал.

Что ж, вполне логично.

Неудивительно, что Лу Чжонянь перестал заглядывать в стрелковый клуб. Янь Ло упоминал, что раньше молодой господин Лу бывал здесь стабильно раз или два в неделю, но стоило Чэнь Цзэмяню устроиться сюда на работу — и за весь месяц они пересеклись от силы раза три.

Раз так, лучше помалкивать. Чем больше он говорит, тем сильнее раздражает этого человека. Глядишь, посидит в тишине и сам остынет.

Но остывать Лу Чжонянь не собирался.

После нескольких необъяснимых вспышек эмоций, вызванных поведением Чэнь Чжэ, он полностью исключил фактор случайности. Вывод напрашивался сам собой: этот парень действительно умудрялся влиять на его душевное равновесие.

Именно с этой дилеммой Лу Чжонянь в свое время и пришел к психотерапевту.

— Я встретил кое-кого особенного, — признался он врачу.

Доктор не сумел скрыть секундного замешательства, и хотя оно было мимолетным, Лу Чжонянь его зафиксировал.

— И в чем же его особенность? — поинтересовался психотерапевт.

Лу Чжонянь сухо и беспристрастно перечислил странности в поведении Чэнь Чжэ. Лишь в конце он позволил себе долю субъективности:

— Словно за одну ночь человек полностью переменялся. Сперва я заподозрил раздвоение личности, но дальнейшие наблюдения эту гипотезу опровергли.

Врач не стал расспрашивать, как именно его пациент проводил наблюдения, а лишь мягко заметил:

— У каждого из нас есть скрытые грани. Быть может, вы просто плохо знали его раньше? Или же в его жизни произошло нечто, наложившее отпечаток на характер...

— Он внезапно обнаружил навыки, которых у него никогда не было, — возразил Лу Чжонянь. — Навыки, которые никак не вяжутся с его прошлым опытом. Это неестественно.

— Вас зацепила эта неестественность, и потому вы сочли его особенным?

— Отчасти. Но главное — его перемены лежат вне зоны моего контроля. Всё, что выходит за рамки ожидаемого, несет в себе слишком много неопределенности. А это... опасно.

Психотерапевт вел Лу Чжоняня с самого детства. Он прекрасно знал о глубоко укоренившейся патологии своего пациента, как и о его феноменальном, граничащем с безумием самоконтроле.

Лу Чжонянь обладал стальной волей. Он категорически отказывался поддаваться недугу, а методы, которыми он подавлял собственные слабости, отличались суровостью. Это давно переросло в крайность. Каждое движение тела, каждая эмоция подвергались жесточайшему

надзору.

Эта маниакальная потребность в самоконтроле со временем просочилась во все сферы его жизни, вылившись в глухую одержимость властью над окружением. Лу Чжонянь функционировал подобно сверхточному компьютеру: мир вокруг него обязан был вращаться по строго заданной траектории. Никаких погрешностей, никаких сбоев, никаких случайностей.

Чэнь Чжэ стал той самой непредвиденной случайностью. С момента его появления внутренний предохранитель Лу Чжоняня то и дело выбивало.

Это само по себе было тревожным звонком. Предвестником полной потери контроля.

Лу Чжонянь предпочитал действовать на опережение:

— Сами по себе перепады настроения меня не пугают. Опасность в том, что психоэмоциональное состояние напрямую влияет на физиологию. Это научно доказанный факт.

Врач прекрасно понял, о чем умалчивает его собеседник.

— Вы заранее проецируете на него негативные сценарии, которых еще не случилось, — произнес он. — Подобные ментальные конструкции лишь усугубляют тревогу. Мозг устроен так: чем сильнее мы пытаемся игнорировать раздражитель, тем глубже на нем концентрируемся.

— Логично, — согласился Лу Чжонянь.

— Попробуйте переключить внимание. Или выберите метод постепенного сближения — так вы со временем снизите уровень тревоги перед неизвестным.

Лу Чжонянь нахмурился:

— То есть мне нужно досконально изучить его поведенческие паттерны, выявить закономерности и составить прогностическую модель? Чтобы заранее подготовить психику к любым его действиям и избежать чувства дезориентации?

Психотерапевт молчал добрых полминуты, прежде чем ответить:

— Я выразился иначе. Речь шла о банальной десенсибилизации — тренировке привыкания.

В итоге Лу Чжонянь истолковал совет по-своему: устроил Чэнь Чжэ в стрелковый клуб, чтобы

держат того на виду.

За прошедшие полтора месяца они лично пересекались от силы дважды, однако наблюдение велось непрерывно. Через приложение на телефоне Лу Чжонянь имел круглосуточный доступ к камерам видеонаблюдения клуба. В редкие минуты отдыха он запускал трансляцию.

Но результаты пока разочаровывали. За это время он не продвинулся ни на шаг: составить поведенческую схему не удалось, да и пресловутого привыкания не наступило. Чэнь Чжэ по-прежнему умудрялся выбивать его из колеи, вызывая целый спектр неконтролируемых эмоций, и эта тенденция лишь крепла.

Возможно, количественные изменения пока просто не переросли в качественные. А виной всему — упрямое нежелание объекта сотрудничать.

Чэнь Чжэ оказался абсолютно непредсказуемым. Круглый отличник с пеленок, Лу Чжонянь впервые в жизни столкнулся с задачей, решение которой упорно не сходилось с ответом.

Чэнь Чжэ вел себя точь-в-точь как самый невыносимый университетский профессор: мало того что не давал никаких подсказок перед экзаменом, так еще и лишал возможности потренироваться на практических задачах.

Пока Сяо Кэсун был тут, Чэнь Цзэмянь хотя бы проявлял признаки жизни. Но стоило тому уйти, как парень забился в угол и принялся молча выкладывать пять в ряд из тыквенных семечек — лишь бы не заговаривать с Лу Чжонянем.

Такими темпами до качественного прорыва было как до луны.

Лу Чжонянь, привыкший к быстрым и эффективным результатам, начал терять терпение. Он уставился на Чэнь Цзэмяня тяжелым, испытующим взглядом.

Чэнь Цзэмянь почувствовал себя так, словно сидел на иголках. Взгляд собеседника буквально прожигал его насквозь, вызывая непреодолимое желание сбежать. Он осторожно поднял глаза, надеясь незаметно разведать обстановку, но тут же столкнулся с Лу Чжонянем взглядом.

Не выдержав ментальной дуэли, он поспешно ухватился за первый попавшийся предлог:

— Молодой господин Лу, вы не проголодались? Могу принести что-нибудь перекусить.

— Нет. А ты?

Чэнь Цзэмянь действительно проголодался, поэтому честно кивнул:

— Немного.

Лу Чжонянь мгновенно сориентировался — отличный шанс собрать данные:

— Чего бы тебе хотелось?

В мыслях Чэнь Цзэмянь пронеслись ароматные шашлычки, обжигающий хого и острая курица с чили. Увы, унаследованный им желудок Чэнь Чжэ был слишком капризным — после острой пищи посреди ночи его гарантированно скрутило бы от невыносимой боли. Скрепя сердце он выдавил:

— Пожалуй, просто лапши.

Лу Чжонянь не упустил мимолетную тень разочарования на его лице:

— По твоему виду не скажешь, что ты мечтаешь о лапше.

Чэнь Цзэмянь криво усмехнулся, привычно пуская в ход лесть:

— Какая проницательность, молодой господин Лу. От вас ничего не скроешь.

Лу Чжонянь спокойно поделился своими наблюдениями:

— Всё предельно просто. Ты только что сморщил нос. Ты всегда так делаешь, когда чем-то недоволен или раздосадован.

Чэнь Цзэмянь опешил:

— Откуда вы...

Вместо ответа Лу Чжонянь протянул руку к кнопке вызова персонала:

— Сначала сделаем заказ.

Листая меню, Чэнь Цзэмянь облизывался на каждое второе блюдо, но в итоге благоразумно остановил выбор на скромной пиале лапши. Ему еще предстояло развлекать ночью Сяо Кэсуна, и мучиться от боли в желудке совсем не хотелось.

Почувствовав, что лед немного тронулся, Чэнь Цзэмянь выдохнул и попытался завязать легкую беседу.

Лу Чжонянь давно привык к его манере болтать без умолку и без труда угадывал фальшь в вежливых репликах. Подобная лесть набила оскомину еще в детстве, поэтому теперь вызывала лишь скуку. К тому же внутри крепло подсознательное ощущение: Чэнь Чжэ не должен быть таким.

Если дело в социальном неравенстве, то перед тем же Е Чэнем он никогда не пресмыкался. С Сяо Кэсуном вел себя запанибрата, а Сюй Шаояна и Лю Юэбо и вовсе ни во что не ставил. Со всеми остальными он оставался собой — живым, искренним. И только рядом с ним натягивал дежурную маску.

Лу Чжонянь не понимал причин этой избирательности, и это злило его больше всего, окончательно ломая все прогностические модели.

Официант явился без промедления. Чэнь Цзэмянь заказал лапшу, а Лу Чжонянь добавил к заказу еще несколько легких закусок. Записав пожелания, служащий вежливо поклонился и исчез за дверью.

— Сразу видно, что вы здесь частый гость и отлично знаете меню, — вставил свои пять копеек Чэнь Цзэмянь.

— Кое-что здесь действительно съедобно, — Лу Чжонянь помедлил секунду и вдруг добавил: — И перестань говорить мне «вы». Звучит дико.

— Ладно, как скажешь, — послушно согласился Чэнь Цзэмянь.

— Неужели? — безучастно отозвался Лу Чжонянь.

— Конечно. Ты ведь обмолвился как-то, что мой прежний цвет волос режет глаза. Вот, перекрасился.

Лу Чжонянь на мгновение замер, внимательно вглядываясь в его лицо.

— И почему ты меня слушаешь? — спросил он.

— Всё просто: я ведь набился к тебе в «младшие», — непринужденно пожал плечами Чэнь Цзэмянь. — А младшим положено беспрекословно слушаться своего босса.

Голос Лу Чжоняня оставался ровным и холодным:

— Ты на удивление упорен в своем желании ходить у меня в подчинении.

Чэнь Цзэмянь вспомнил судьбу настоящего Чэнь Чжэ из оригинального романа, и на мгновение его взгляд затуманился.

Лу Чжонянь слишком хорошо изучил эту его манеру отключаться от внешнего мира. Привычным жестом постучав кончиками пальцев по полированной столешнице, он вернул собеседника в реальность:

— Чэнь Чжэ.

— Да, Лу-шао?

— Так почему ты так рвешься ко мне под крыло? — повторил вопрос Лу Чжонянь.

Чэнь Цзэмянь на секунду замялся. В глубине его глаз промелькнуло нечто странное и горькое.

— Наверное, просто подумал... — тихо произнес он. — Что если меня будет прикрывать сам молодой господин Лу, никто больше не посмеет меня пинать и унижать.

Пальцы Лу Чжоняня едва заметно дрогнули. Он поднял взгляд:

— Тебя часто обижали?

Чэнь Цзэмянь не знал, что на это ответить, поэтому лишь пожал плечами:

— Да как-то не помню уже.

Взгляд Лу Чжоняня, невесомый, словно лебяжий пух, задержался на лице собеседника. Чэнь Цзэмянь выдавил слабую, вежливую улыбку.

Оба замолчали.

Вскоре деликатный стук прервал тишину: официант принес заказ.

Чэнь Цзэмянь подцепил палочками немного лапши. Бульон в пиале оказался совсем пресным. Чэнь Цзэмянь уже потянулся было к соуснику на краю стола, но чужая рука опередила его.

Он удивленно замер с лапшой во рту и поднял глаза. Перед ним изящным, выверенным жестом двигалась безупречно очерченная мужская ладонь.

— Чэнь Чжэ.

Лу Чжонянь негромко назвал его по имени, плавно придвинул соусник ближе и весо­мо добавил:

— Если кто-то посмеет тебя обидеть — кто бы это ни был, — сразу говори мне.

<http://bllate.org/book/19805/2007270>